

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет»

Юридический институт	Кафедра « <u>Частное и публичное право</u> »
Направление подготовки	<u>40.03.01 «Юриспруденция»</u>
Профиль	<u>Правозащитная деятельность</u>

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

по теме Правовое регулирование объектов, созданных с использованием систем искусственного интеллекта: проблемы авторства и правообладания

Студент <u>22ЮЮЗ</u>	_____	<u>Фирсаков Андрей Алексеевич</u>
	подпись, дата	фамилия, имя, отчество полностью

Научный руководитель К.Ю.Н., доцент

должность

каф. «ЧиПП» ФГБОУ ВО ПГУ

наименование организации

подпись, дата

Демина И. А.

фамилия, инициалы

Консультанты:

по _____	_____	_____
наименование раздела, звание, должность	подпись, дата	фамилия, инициалы
по _____	_____	_____
наименование раздела, звание, должность	подпись, дата	фамилия, инициалы
по _____	_____	_____
наименование раздела, звание, должность	подпись, дата	фамилия, инициалы

Нормоконтролер: К.Ю.Н.,
доцент каф. «ЧиПП»

должность

подпись, дата

Портнова Е.В.

фамилия, инициалы

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ 2026 № __)
Заведующий кафедрой ЧиПП _____ Казакова Е.Б.
подпись дата фамилия, инициалы

Работа защищена с оценкой _____ (Протокол от _____ 202 г. № __)
Секретарь ГЭК _____ Антипкина Е.Г.
подпись дата фамилия, инициалы

Пенза, 2026 г.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юридический институт

Направление 40.03.01 «Юриспруденция»

Профиль Правозащитная деятельность

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой ЧиПП

/Е.Б.Казакова /

_____ 2026 г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студента гр.№ 22ЮЮЗ

Фирсакова Андрея Алексеевича

1.Тема работы Правовое регулирование объектов, созданных с использованием систем искусственного интеллекта: проблемы авторства и правообладания

2.Научный руководитель к.ю.н., доцент каф. «ЧиПП», Дёмина И.А.

3. Дата выдачи задания 25.12.2025

4. Срок сдачи студентом законченной работы 18.05.2026.

5. Перечень подлежащих разработке вопросов:

– Показать особенности правовой природы авторского права и механизмов защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации;

– Проанализировать понятие искусственного интеллекта и основные подходы к его правовому регулированию в Российской Федерации;

– Выделить нормы российского законодательства, применимые к созданию и использованию результатов, полученных с помощью ИИ-систем;

– Исследовать зарубежный и международно-правовой опыт регулирования искусственного интеллекта и авторских прав;

– Определить ключевые проблемы квалификации результатов, созданных искусственным интеллектом либо при его участии;

– Предложить критерии разграничения автономно сгенерированных ИИ-результатов и произведений, созданных человеком с использованием искусственного интеллекта как инструмента;

– Сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере авторского права и регулирования искусственного интеллекта.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов работы

Раздел	Консультант	Подпись, дата	
		Задание выдал	Выполненное задание принял
Введение		25.12.2025 Дёмина И.А.	03.02.2026 Дёмина И.А.
Теоретические основы регулирования искусственного интеллекта		03.02.2026 Дёмина И.А.	03.03.2026 Дёмина И.А.
Зарубежный опыт и международное право в регулировании ИИ		03.03.2026 Дёмина И.А.	15.04.2026 Дёмина И.А.
Проблемы и противоречия в правовом регулировании авторского права и ИИ		15.04.2026 Дёмина И.А.	04.05.2026 Дёмина И.А.
Заключение		04.05.2026 Дёмина И.А.	18.05.2026 Дёмина И.А.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	9
1.1 Правовая природа авторского права и защиты интеллектуальной собственности.....	9
1.2 Государственное регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации.....	14
2 ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В РЕГУЛИРОВАНИИ ИИ.....	23
2.1 Зарубежный опыт правового регулирования искусственного интеллекта	23
2.2 Судебные прецеденты в охране результатов творчества, создаваемых с применением ИИ: проблема определения авторства и патентоспособности	32
3 ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АВТОРСКОГО ПРАВА И ИИ.....	44
3.1 Идентификация субъектов авторских прав и проблемы, связанные с квалификациями ИИ-продуктов.....	44
3.2 Перспективы развития национального законодательства в области авторского права и правового регулирования искусственного интеллекта	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выпускной квалификационной работы обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта и их активным внедрением в сферу создания результатов интеллектуальной деятельности. Генеративные ИИ-системы уже прочно вошли в практику образования, научных исследований, рекламы, дизайна, программирования и других сфер, но их правовой режим по-прежнему остается во многом неопределенным.

Российская модель авторского права исходит из того, что автором признается гражданин, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности. Подобная конструкция исходно не предполагает признания искусственного интеллекта ни автором, ни самостоятельным правообладателем.

Дополнительный аспект актуальности связан с тем, что в действующем российском гражданском законодательстве это создает правовую неопределенность для авторов, пользователей ИИ-систем, разработчиков программного обеспечения, операторов цифровых платформ и правоприменительных органов.

Отдельные аспекты темы анализируются в работах В. О. Калятина, А. С. Аникина, С. Л. Будылина, А. В. Гурко, Ю. П. Присяжнюк, а также Ю. С. Сперанской, Н. Л. Малаховой, В. А. Тормозовой, А. И. Балашовой и других исследователей. Вместе с тем единого подхода к определению критерия человеческого творческого вклада применительно к ИИ-результатам ни в законодательстве, ни в доктрине пока не выработано.

Объект исследования составляют общественные отношения, возникающие в связи с созданием, использованием и правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с применением технологий искусственного интеллекта.

Предмет исследования охватывает нормы российского и зарубежного законодательства об авторском праве и искусственном интеллекте, международные и иностранные правовые акты, судебную и административную практику, а также доктринальные подходы к определению правового режима результатов, созданных искусственным интеллектом либо при его участии.

Цель выпускной квалификационной работы заключается в комплексном анализе проблем авторства и правообладания в отношении объектов, создаваемых с использованием систем искусственного интеллекта, и в выработке предложений по совершенствованию российского правового регулирования в данной сфере.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

1. Показать особенности правовой природы авторского права и механизмов защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации.
2. Проанализировать понятие искусственного интеллекта и основные подходы к его правовому регулированию в Российской Федерации.
3. Выделить нормы российского законодательства, применимые к созданию и использованию результатов, полученных с помощью ИИ-систем.
4. Исследовать зарубежный и международно-правовой опыт регулирования искусственного интеллекта и авторских прав.
5. Определить ключевые проблемы квалификации результатов, созданных искусственным интеллектом либо при его участии.
6. Предложить критерии разграничения автономно сгенерированных ИИ-результатов и произведений, созданных человеком с использованием искусственного интеллекта как инструмента.
7. Сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере авторского права и регулирования искусственного интеллекта.

Гипотеза исследования заключается в том, что действующая российская модель авторского права в целом может быть применена к результатам, создаваемым человеком с использованием искусственного интеллекта как технического средства, но не обеспечивает достаточной определенности в отношении результатов, генерируемых ИИ автономно. Для преодоления данной неопределенности предлагается не наделять искусственный интеллект статусом субъекта права, а закрепить критерий существенного человеческого творческого вклада как условие признания результата произведением.

Методологическую основу работы составляют диалектический подход, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также методы анализа и обобщения. Формально-юридический метод используется при исследовании норм гражданского, информационного и специального законодательства. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоставить подходы России, Европейского союза, США, Китая, Сингапура и других юрисдикций. Применение системного метода дает возможность рассматривать авторское право, информационное законодательство и регулирование цифровых технологий во взаимосвязи.

Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы в сфере информации, персональных данных и экспериментальных правовых режимов, Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», а также зарубежные и международные акты, регулирующие использование искусственного интеллекта и охрану авторских прав.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам авторского права, правового статуса искусственного интеллекта, охраноспособности результатов, создаваемых с использованием нейросетевых технологий, и сравнительно-правовым моделям регулирования ИИ. Эмпирическую основу формируют материалы судебной и административной практики, правовые

позиции зарубежных органов и судов, а также примеры применения генеративных ИИ-систем при создании объектов, потенциально относимых к результатам интеллектуальной деятельности.

Научная новизна работы проявляется в обосновании необходимости четкого разграничения между автономно сгенерированными ИИ-результатами и произведениями, создаваемыми человеком с использованием искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента. В качестве ориентира предлагается использовать критерий существенного человеческого творческого вклада, включающего формирование замысла, определение существенных характеристик будущего результата, отбор и творческую переработку сгенерированного материала.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения сформулированных выводов при совершенствовании гражданского законодательства, разработке локальных актов об использовании ИИ-систем в образовательной, научной, творческой и коммерческой деятельности, а также при оценке правового режима результатов, полученных с использованием генеративных технологий.

Структура выпускной квалификационной работы обусловлена поставленной целью и сформулированными задачами. Работа включает введение, три главы, заключение и список использованных источников. В первой главе рассматриваются теоретические основы авторского права и вопросы государственного регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Во второй главе анализируется зарубежный и международный опыт регулирования искусственного интеллекта и авторских прав. Третья глава посвящена проблемам авторства, правообладания и квалификации результатов, создаваемых с использованием систем искусственного интеллекта.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

1.1 Правовая природа авторского права и защиты интеллектуальной собственности

Авторское право является главным институтом права интеллектуальной собственности, который базируется не только на принципах охраны права автора на результат творческой деятельности, но и на компенсации (зачастую материальной) в случае нарушения данного права.

Авторское право представляет один из наиболее динамично развивающихся институтов современного гражданского права. В эпоху технологического прогресса, когда интеллектуальные продукты — произведения литературы, искусства, науки, компьютерные программы, базы данных и иные результаты творческого труда — приобретают статус стратегического экономического ресурса и становятся движущей силой современной экономики, значение правовой защиты авторских прав возрастает экспоненциально.

ГК РФ охраняет широкий круг произведений — от литературных и музыкальных до программ для ЭВМ и баз данных (ст. 1259 ГК РФ)¹. Все данные произведения, являются объектами авторского права.

Особое внимание заслуживает широкое применение авторского права в сфере научных и технических разработок. Авторское право охраняет форму выражения научной идеи, но не саму идею как таковую. Поэтому результаты научного творчества, имеющие техническую направленность (такие как изобретения, полезные модели и промышленные образцы), охраняются посредством патентного права, которое является специальным режимом

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026)
// Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 52. – Ст. 5496.

охраны, предусмотренным гражданским законодательством. Между авторским правом и патентным правом существует важное различие: авторское право защищает творческую форму выражения, тогда как патентное право охраняет сами технические решения и идеи в их практическом применении.

В современном цифровом обществе арсенал объектов авторского права продолжает расширяться. Авторским правом охраняются программы для электронно-вычислительных машин (ЭВМ) и базы данных, созданные путем подбора и организации материалов в соответствии с творческим замыслом автора. Таким образом, авторское право применяется практически ко всем видам творческого труда, где результат может быть зафиксирован в какой-либо объективной форме — устной, письменной, графической, электронной или иной форме, обеспечивающей возможность его воспроизведения.

В новейшей доктрине Авторское право выделяют в объективном и субъективном смысле.

Авторское право - установленное законодательством право некоторых лиц на произведение науки, литературы или искусства, созданные творческим трудом этих же или иных лиц. Правовое положение авторов обеспечивается законодательно закреплённой совокупностью личных неимущественных и имущественных прав на созданные ими произведения¹.

В объективном смысле авторское право представляет собой совокупность норм гражданского права, регулирующих отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений литературы, науки и искусства. Это подотрасль гражданского права, обеспечивающая признание авторства, охрану произведений, установление режима их использования и защиту прав авторов и иных правообладателей.

В субъективном смысле авторское право понимается как совокупность личных неимущественных и имущественных прав, возникающих у автора

¹ Позднякова Е.А. Авторское право: учебник и практикум для вузов — 5-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2026. — С. 6.

(или иного правообладателя) в связи с созданием конкретного произведения. Это исключительное право, содержанием которого является возможность совершения управомоченным лицом действий по исключительному и независимому от действий посторонних использованию произведения и распоряжению им в целях получения вознаграждения¹.

Суханов подчеркивает, что авторское право носит абсолютный и исключительный характер, отличаясь в этом от обязательственных и других имущественных прав. Авторское право охраняет форму произведения, а не саму идею, тему или сюжет, позволяя другим авторам использовать те же идеи при создании собственных оригинальных произведений. Абсолютность авторского права выражается в том, что все третьи лица обязаны воздерживаться от действий, не согласованных с правообладателем. Исключительность авторского права означает, что использование соответствующего объекта возможно либо самим правообладателем, либо с его прямого разрешения (лицензии), выданного в установленном законом порядке².

Авторское право в его современной форме представляет собой сложную систему правовых норм, претерпевающую непрерывные трансформации и адаптирующуюся к новым вызовам и реалиям. В современном правовом поле законодатель вынужден активно реагировать на инновации и изменения, инициируемые участниками правоотношений - гражданами и юридическими лицами.

Система нормативно-правового регулирования авторской деятельности в Российской Федерации характеризуется многоуровневостью и многофункциональностью: на каждом уровне реализуется определенная

¹ Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023. — С. 415.

² Позднякова Е. А. Авторское право: учебник и практикум для вузов — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — С. 7.

нормативная функция, соответствующая специфике отношений, возникающих в данной сфере творчества.

Основой правового режима авторских и соответствующих прав служит четвёртая часть Гражданского кодекса Российской Федерации. Главы 70 и 71 этого кодекса основаны на законе защиты, содержат в себе не только определение авторского права, но и раскрывают сложную архитектуру исключительных прав, состоящих из самостоятельных правовых норм, соответствующих различным способам экономического использования произведений. Каждый способ использования действует как отдельные доказательства в составе единого исключительного права, что обеспечивает полную защиту интересов правообладателя при многоуровневом использовании одного и того же произведения. Принцип полной защиты исключительного права означает, что автор произведения контролирует каждый экономически значимый акт использования своих произведений и получает более адекватное вознаграждение за каждый такой акт¹.

Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-I «Об авторском праве и соответствующих правах»², является первым профильным законом РФ об авторском праве после распада СССР. Он заменил советское законодательство, ввел защиту смежных прав и установил срок охраны произведений - 50 лет после смерти автора. Данный закон действовал до 2008 года, до введения части 4 в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ регулирует особенности использования авторских технологий, которые проявились в цифровой среде и становятся особенно актуальными в условиях, когда интернет и социальные сети превращаются в

¹ Михайлов С. В. Многоуровневая система защиты и использования исключительных авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 3 (37). - С. 56.

² Об авторском праве и смежных правах: Закон Российской Федерации от 09.07.1993 № 5351-I (утратил силу) // Российская газета. – 1993. - № 147.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2006. - № 165.

основные принципы распространения авторского контента. При этом современная банковская практика выработала практически революционный подход к посредникам информационной безопасности (провайдерам). Принцип, согласно которому провайдер несет ответственность за нарушения прав пользователей, требует разработки механизма оперативного реагирования на нарушения. Стоит отметить, что с 2025 года минимальная компенсация за нарушение авторских прав установлена на уровне 10 000 рублей, максимальная достигает 10 000 000 рублей, что отражает метод защиты авторских прав в российском праве.

В заключительной части данного параграфа предлагается рассмотреть общие положения авторского права, которые закреплены в различных НПА.

Первый и самый важный принцип авторского права, закреплён в ст. 1257 ГК РФ¹. Авторское право «автоматически охраняется законом» - оно возникает в момент создания произведений и его выражения в объективной форме. В ст. 1257 ГК РФ разъясняется, что лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с п. 1 ст. 1300 ГК РФ, считается его автором, если не доказано иное.

В соответствии с п. 1 ст. 1300 ГК РФ - информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования произведения, которая содержится на оригинале или экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо доведением такого произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация².

Право охраняется именно с момента создания и закрепления произведения искусства на материальном носителе, а не с момента его

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026)
// Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 52. – Ст. 5496.

² Там же.

регистрации. Однако, хотя регистрация и не является условием возникновения авторского права, фиксация даты создания произведений посредством депонирования (например, у нотариуса или в специализированных реестрах) и регистрация дополнительно предоставляют судебную защиту прав автора, обеспечивающую ему презумпцию авторства и доказательства существования произведений на определённые даты. Это особенно важно в спорах о приоритетах авторства или при разрешении вопросов в Интернете.

Авторское право состоит из двух групп прав: личных неимущественных прав и исключительно имущественных. Как указано в ст. 1270 ГК РФ - исключительное право — это совокупность принадлежащих правообладателю (гражданину или юридическому лицу) прав на использование по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в том числе запрещение или разрешение такого использования другими лицами¹.

В заключении данного параграфа можно отметить, что авторское право в российской правовой системе выступает базовым институтом права интеллектуальной собственности, который состоит из совокупности норм гражданского законодательства и комплекса личных неимущественных и имущественных прав конкретного автора. Особенности правовой природы авторского права — его абсолютный и исключительный характер, автоматическое возникновение охраны с момента создания произведения, разграничение с патентно-правовой охраной технических решений — определяют специфику последующего нормативного регулирования и механизмов защиты исключительных прав.

1.2 Государственное регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026)
// Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 52. – Ст. 5496.

В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123 - ФЗ (ред. от 08.08.2024)¹ *искусственный интеллект* - это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В соответствии с ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) система искусственного интеллекта; система ИИ (artificial intelligence system, AI system) это техническая система, использующая одну или несколько моделей ИИ, которая порождает такие конечные результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора определённых человеком целей².

Проанализировав множество подходов к пониманию ИИ, можно сформулировать более цельный и полный:

Искусственный интеллект - это область науки и техники, а также совокупность технических систем, которые на основе данных, математических моделей и алгоритмов способны в определённой предметной области автономно или полуавтономное воспринимать информацию из внешней среды, имитировать отдельные когнитивные функции человека

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 17. - Ст. 2701.

² ГОСТ Р 71476–2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Информационные технологии. Искусственный интеллект. Понятия и терминология. – М.: Российский институт стандартизации, 2024.

(анализ, обучение, прогнозирование, принятие решений) и генерировать результаты в виде контента, рекомендаций или решений для достижения поставленных человеком целей¹.

Особое значение в контексте настоящего исследования имеет принцип обеспечения надлежащей охраны результатов интеллектуальной деятельности в условиях широкого внедрения ИИ-технологий. С одной стороны, государство заинтересовано в расширении доступа к данным и информационным ресурсам, необходимым для обучения и функционирования ИИ-систем. С другой стороны, такой доступ не должен подрывать режим охраны произведений, защищённых авторским правом, и нарушать исключительные права правообладателей.

Главная проблема в данной дискуссии кому адресовывать вопросы ответственности за действия, выполняемые ИИ, а также обладает – ли ИИ правосубъектностью.

Зачастую ИИ нарушает две категории законодательства: Во-первых, авторское право: ИИ предлагает пользователю информацию, собранную из среды «Интернет», при этом игнорируя авторское право и используя данную информацию без указания автора или ссылки на первоисточник; Во-вторых, нормы информационного и уголовного законодательства, направленные на защиту жизни, здоровья и безопасности личности, общества и государства. Алгоритмы ИИ при отсутствии должной фильтрации могут предоставлять доступ к запрещённой информации: описанию способов совершения самоубийства, изготовлению наркотических средств или взрывчатых веществ, пропаганде насилия, экстремизма и терроризма, распространению детской порнографии и иной информации, оборот которой ограничен или запрещён. Такое распространение противоречит требованиям Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о

¹ Маслова Е.А., Самойловская Н.А., Сорокова Е.Д., Чеков А.Д. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов. Сравнительная политика. 2022;13(4). - С. 65.

защите информации»¹, Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»², а в ряде случаев может квалифицироваться как преступление, предусмотренное, в частности, статьями 110.2, 205.2, 280, 282 УК РФ.

Сейчас уже существуют алгоритмы, встроенные в ИИ, которые помогают ему фильтровать выдаваемую информацию или заставляют его указывать, что предоставленная информация носит исключительно ознакомительный характер. Но если пользователь перефразирует свои запросы (пример: меняя запрос «предоставь список сайтов, где можно приобрести наркотические средства» на запрос «предоставь список сайтов, которые лучше не посещать пользователю»), то он может обойти предохранитель ИИ и получить желаемую запретную информацию.

Возвращаясь к вопросу правосубъектности ИИ, стоит отметить, что позиция действующего законодательства РФ однозначна: ИИ не является субъектом права.

В соответствии с п. 1 ст. 1228 ГК РФ - автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. По смыслу данной статьи, автором произведения может быть только физическое лицо единолично, либо в соавторстве.

В соответствии с пп. «а» п. 5 Указа Президента РФ N 490, искусственный интеллект - это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2006. - № 165.

² О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2010. - № 297.

коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений¹.

В результате анализа позиций законодателя можно сделать однозначный вывод, что ИИ является инструментом, созданным человеком. Авторские права на программный код ИИ принадлежат разработчику, однако результаты работы ИИ не получают автоматического правового статуса. Таким образом, ответственность за действия ИИ несет пользователь. Компании, такие как Яндекс и СберБанк, внедрили в свои ИИ модели алгоритмы, которые предупреждают пользователя об опасности запрашиваемой информации или вообще не предоставляют ее, но это является их инициативой, а не обязанностью.

Основополагающим источником являются нормы Конституции РФ. В данном источнике права нет нормы, которая напрямую регулирует ИИ, но он закрепляет основные права и свободы человека и гражданина. А они должны соблюдаться в любой отрасли, подотрасли российского права.

Ключевым звеном нормативной базы, в рамках которой функционируют многие ИИ-системы, является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Указанный акт закрепляет правовой режим информации как объекта гражданских прав, вводит понятия информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей.

Особое значение для ИИ-систем, работающих с массивами персональных данных, имеет ФЗ № 152. Он формулирует принципы и условия обработки персональных данных, определяет права субъектов данных и

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2006. - № 165.

обязанности операторов, а также вводит специальные требования к безопасности информации.¹

ФЗ № 187 распространяется на информационные системы органов власти, кредитно-финансовой сферы, энергетики, транспорта, здравоохранения, промышленности и других отраслей, имеющих стратегическое значение². В случаях, когда ИИ-решения интегрируются в такие системы (например, в системах управления технологическими процессами, медицинской диагностике или транспортной логистике), на их разработчиков и эксплуатантов распространяются специальные требования по обеспечению защиты от компьютерных атак, резервированию, мониторингу и реагированию на инциденты.

Специальные требования к ИИ-системам и их разработчикам формирует ФЗ № 247, который закрепляет общие правила установления, применения и оценки обязательных требований, которые могут вводиться не только ФЗ, но и указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ и актами федеральных органов исполнительной власти³.

Ранее уже был упомянут ФЗ № 123. Данный ФЗ вводит режим «регуляторной песочницы», в пределах которой допускается отступление от отдельных общих требований других отраслей права в целях апробации инновационных ИИ-решений⁴. Указ Президента РФ № 490, который формулирует стратегические цели и задачи государства в сфере ИИ⁵. Также в нем определяются приоритетные направления развития, принципы

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 2006. - № 165.

² О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Российская газета. – 2017. - № 167.

³ Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Российская газета. – 2020. - № 171.

⁴ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 17. - Ст. 2701.

⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

ответственного применения технологий и ориентиры для органов государственной власти.

В подп. «а» раздела I Национальной стратегии ИИ искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их», при этом подчёркивается, что в состав этого комплекса входят информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение (в том числе использующее методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Указ № 490 задаёт целевые ориентиры государственной политики в сфере ИИ. В качестве приоритетных задач названа поддержка научных исследований и разработок в области ИИ (разделы V–VI Стратегии).

Отдельное внимание в Указе и Стратегии уделяется практическим направлениям применения технологий ИИ. Документ детализирует, что ИИ рассматривается как инструмент улучшения качества услуг в сфере здравоохранения (диагностика на основе анализа изображений, прогноз развития заболеваний, подбор дозировок лекарств), образования (адаптация образовательных траекторий, автоматизация оценки знаний), транспорта и логистики, промышленности, финансового сектора и государственного управления¹.

Хотя Российской Федерации пока недостаёт комплексного федерального закона об искусственном интеллекте, в национальной судебной практике уже начинают складываться важные прецеденты, демонстрирующие подходы судов к квалификации ИИ-систем, определению авторства

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

результатов их работы и ответственности за их использование. На сегодняшний день российские арбитражные суды рассмотрели целый ряд дел, связанных с применением нейросетей, использованием генеративно-состязательных сетей (deepfake), внедрением роботизированных систем в коммерческой деятельности, а также вопросами допустимости использования результатов работы ИИ в судебных разбирательствах. Формирующаяся судебная практика уже выработала ряд ключевых позиций: (1) искусственный интеллект рассматривается не как самостоятельный субъект права, а как инструмент, находящийся под контролем человека; (2) авторство и творческий статус сохраняются за человеком-создателем, использующим ИИ как вспомогательное средство; (3) ответственность за нарушение прав граждан и правообладателей при использовании ИИ-систем возлагается на их разработчиков и пользователей; (4) результаты работы генеративных моделей ИИ не принимаются судами в качестве самостоятельных доказательств без надлежащей верификации и проверки их соответствия действительности.

Среди показательных дел можно назвать Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 09АП-642/24 по делу № А40-200471/2023, касающееся защиты исключительных прав на видеоролик, созданный с применением технологии deepfake¹. В своём решении суд чётко позиционировал deepfake как инструмент технического монтажа видеоматериалов, а не способ создания произведения с нуля, и подтвердил, что использование такого инструмента не лишает результат статуса объекта авторского права и не освобождает пользователя от необходимости получить согласие правообладателя. Иные дела касались вопросов о правомерности использования ИИ при оказании консультационных услуг, применения роботизированных систем сбора долгов,

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 09АП-642/2024 по делу № А40-200471/2023. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 29.04.2026).

а также допустимости использования результатов анализа нейросетей в качестве судебных доказательств.

Таким образом, на момент написания данной работы в судебной практике в Российской Федерации, хотя и не столь обширной, как в ряде зарубежных юрисдикций, уже начинает вырисовываться чёткая правовая позиция: искусственный интеллект и технологии на его основе остаются в составе правовых отношений в качестве средств и инструментов, подвластных человеку, в то время как центр ответственности и прав закрепляется за лицами, организовавшими и направившими процесс создания, внёсшими творческий вклад или использовавшими ИИ-системы.

2 ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В РЕГУЛИРОВАНИИ ИИ

2.1 Зарубежный опыт правового регулирования искусственного интеллекта

Правовое регулирование искусственного интеллекта в зарубежных странах происходит интенсивнее, чем в РФ. Это обусловлено различными факторами:

Развитие ИИ за рубежом идёт быстрее, чем в России, из-за совокупности экономических, технологических и институциональных причин:

- Гораздо больший объём частных и венчурных инвестиций в ИИ в США, ЕС, Китае и др., чем в России.
- Лучший доступ к современному «железу» (GPU, чипы), облачной инфраструктуре и глобальным цепочкам поставок, в то время как Россия сталкивается с санкционными ограничениями.
- Концентрация кадров и «утечка мозгов»: ведущие исследователи и разработчики уезжают работать в зарубежные компании и университеты.
- Более предсказуемая и стимулирующая регуляторная среда (регуляторные песочницы, про-инновационные подходы) в ряде зарубежных стран, против более жёсткого контроля и ограниченной открытости экосистемы в РФ.
- Сильнее развитый коммерческий рынок ИИ-продуктов и глобальных платформ на Западе, тогда как в России значительная часть ресурсов уходит на военные и узкоспециальные приложения.

На данный момент уже более 80 стран разработали концептуальные документы, определяющие рамки и принципы регулирования цифровых технологий, однако правовой статус результатов интеллектуальной

деятельности, созданных ИИ, остается одной из наиболее дискуссионных проблем современного права. Отсутствие консенсуса в вопросе авторско-правовой субъектности ИИ создает правовую неопределенность для создателей, пользователей и правообладателей.

В праве зарубежных стран есть концепция, которая схожа с российской и на данный момент ее никто не изменил: автором произведения, изобретения может быть исключительно физическое лицо – человек. Данная концепция закреплена в праве различных стран, в том числе стран США, Канады, Австралии и большинстве других стран ЕС¹.

Европейский союз, приняв Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. «Об установлении согласованных правил в отношении искусственного интеллекта и внесении изменений в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144, а также Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте)», фактически сформировал первую комплексную, риск-ориентированную модель горизонтального регулирования ИИ на уровне наднационального образования².

Критическое значение имеет взаимодействие AI Act с Директивой об авторском праве в цифровом едином рынке (Directive (EU) 2019/790, далее — DSM Directive)³. Профессор Маржони (Margoni) и его соавтор Крётшмер (Kretschmer) проводят детальный анализ исключений для текстового и интеллектуального анализа данных (TDM exceptions), установленных статьями 3 и 4 DSM Directive. Авторы указывают, что статья 3 предусматривает обязательное исключение для ТДМ в целях научных

¹ Лопатина Т. М. Зарубежный опыт правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта // Безопасность бизнеса. 2025. № 4. - С. 33.

² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 29.04.2026).

³ Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 29.04.2026).

исследований, проводимых исследовательскими и культурными организациями, однако определение ТДМ сформулировано чрезмерно широко. Это создает парадоксальную ситуацию, когда вся область развития ИИ, зависящая от обработки больших данных, оказывается подчинена исключению, что, согласно авторам, может фактически способствовать развитию смещенных ИИ-систем¹.

Статья 53(1)(c) AI Act устанавливает обязательность для поставщиков моделей общего назначения ИИ (GPAI) соблюдать законодательство ЕС об авторском праве и смежных правах, в частности соблюдать резервирование прав, выраженное праводержателями в соответствии со статьей 4(3) DSM Directive. Эта норма означает, что авторы и издатели могут посредством машиночитаемых средств (robots.txt, метаданные) указать на недопустимость использования их произведений для обучения ИИ-систем².

Проф. Квинтайс (Quintais) из Амстердамского университета в своей работе "Generative AI, copyright and the AI Act" проводит критический анализ взаимодействия между AI Act и законодательством ЕС об авторском праве. Автор отмечает, что текущий нормативный режим оставляет значительные пробелы в области справедливого вознаграждения авторов и творцов. Квинтайс предлагает механизмы коллективного лицензирования и переговоров, а также рассмотрение моделей законодательного лицензирования и сборов на выпуск продукции ИИ в качестве возможных решений³.

Важная особенность ЕС-подхода — требование прозрачности. Статья 53(1)(d) AI Act обязывает поставщиков GPAI-моделей публиковать «достаточно детальные резюме» о содержании, используемом для обучения, в соответствии с шаблоном, предоставленным Европейским управлением по

¹Margoni T. A Deeper Look into the EU Text and Data Mining Exceptions: Harmonisation, Data Ownership, and the Future of Technology // GRUR International. – 2022. – Vol. 71, No. 8. – P. 685.

² Act on Promotion of Research and Development and Utilization of Artificial Intelligence-Related Technologies, 2025. –URL: <https://www.gov-online.go.jp/en/> (дата обращения: 29.04.2026).

³ Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act // European Intellectual Property Review. – 2024. – Vol. 46, No. 3. – P. 145.

искусственному интеллекту (AI Office). Европейская ассоциация авторских прав в своем заключении 2025 года подчеркивает, что эта прозрачность является инструментом баланса фундаментальных прав, закрепленных в Хартии основных прав ЕС.

Параллельно Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), утвердив Рекомендацию по искусственному интеллекту (OECD Recommendation on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449), предложила набор межгосударственных принципов «доверенного» и человекоцентричного ИИ, на которые ориентируются десятки государств по всему миру¹.

Советом Европы 24 мая 2024 года была принята Рамочная конвенция об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенства права, данный документ стал первым юридическим обязательным универсальным договором в сфере ИИ и совместимым с правовой моделью Европейского союза (ЕС)².

Рамочная конвенция закрепила базовые принципы транспарентности, недискриминации, подотчетности и эффективного надзора за жизненным циклом ИИ-систем. Также она начертила ориентиры для государств, которые уже являются членами Совета Европы, так и для присоединившихся стран.

Помимо европейских и межгосударственных подходов к регулированию ИИ, некоторые страны приняли национальные стратегии развития и контролирования ИИ. Так, в США ключевым актом является Исполнительный указ Президента США № 14110 «О безопасной, надежной и заслуживающей доверия разработке и использовании искусственного интеллекта» от 30 октября 2023 года³.

¹ OECD Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449 // OECD Legal Instruments. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org> (дата обращения: 29.04.2026).

² Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law, 2024 // Council of Europe. – URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 29.04.2026).

³ Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. – URL: <https://www.federalregister.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

30 октября 2023 года был издан указ об искусственном интеллекте, который рассматривает как возможности, так и угрозы, связанные с этой технологией¹.

Документ охватывает несколько ключевых направлений, связанных с применением ИИ:

Безопасность и защита: Указ предписывает меры по снижению рисков, связанных с использованием ИИ, особенно в критически важных системах и национальной безопасности. Компании, разрабатывающие мощные ИИ-системы, обязаны проводить испытания на безопасность и сообщать результаты в Министерство торговли. Министерство энергетики оценивает риски, которые могут возникнуть при использовании ИИ в области безопасности.

Справедливость и права граждан: Документ направлен на предотвращение дискриминации и защиту прав граждан при использовании ИИ. Это включает в себя создание механизмов для расследования нарушений, разработку передовых методов применения ИИ в правоохранительных органах и предотвращение дискриминации на рабочих местах и в жилых помещениях.

Инновации и конкуренция: для стимулирования инноваций в области ИИ указ призывает к увеличению инвестиций в исследованиях, созданию региональных центров инноваций и упрощению визового режима для специалистов в этой сфере. Также рассматриваются вопросы интеллектуальной собственности и обеспечения честной конкуренции на рынке ИИ.

Воздействие на рынок труда: Документ содержит рекомендации по поддержке работников, включая анализ влияния ИИ на рынок труда, распространение лучших практик для работодателей и обеспечение

¹ Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. – URL: <https://www.federalregister.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

справедливой оплаты труда работников, чьи задачи частично выполняются с помощью технологий.

Общественная польза и регулирование: Указ продвигает использование ИИ на благо общества, например, в научных исследованиях и социальных программах. Также создается Совет по безопасности и защите ИИ, который будет консультировать по вопросам безопасного применения ИИ в критически важных системах.

В целом, указ Байдена по ИИ стремится найти баланс между инновационным потенциалом и необходимостью защиты общества от потенциальных рисков.

Стоит отметить, что США следуют либеральной модели, основанной на доктрине fair use (добросовестное использование). Подход США кардинально отличается от европейского, так как приоритет отдается развитию новых технологий и инновациям.

Профессор Ли из Университета Хьюстона в своей работе указывает, что использование произведений, которые охраняются авторским правом, для обучения ИИ-модели, является лишь целью, направленной на коренное изменение текущего состояния мышления или системы, а не просто на их улучшение. По мнению автора, эта цель имеет глубокое значение для США с точки зрения экономического благосостояния и технологического лидерства¹.

Китайский подход отличается собственной моделью регулирования ИИ. Необходимо отметить, что в Китае, как и в США, разработка и улучшение ИИ – является приоритетной целью.

Так в 2017 году в КНР был принят план развития ИИ нового поколения². Начиная с 2017 по 2022 год в Китае был подготовительный этап к законодательному закреплению норм, регулирующих и контролирующих ИИ. Указанный промежуток времени отмечен принятием Белой книги по

¹Ли Э. Fair Use and the Origin of AI Training // Houston Law Review. — 2025. — Т. 63, № 1. — С. 125.

² Извещение Государственного совета об опубликовании Плана развития искусственного интеллекта нового поколения. - URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 01.03.2026)

стандартизации искусственного интеллекта, а также Кодекса этики искусственного интеллекта нового поколения. К началу 2022 года Управление по вопросам киберпространства Китая (англ. сокр. – САС) начало разрабатывать (совместно с иными государственными органами) первые специальные нормативные правовые акты по регулированию деятельности с использованием ИИ.

1 марта 2022 года в Китае вступило в силу Положение по управлению алгоритмическими рекомендациями информационных интернет-серверов. Данное положение является первым важнейшим шагом для регулирования рекомендаций интернет информации в 2022 году. Данный документ применялся к широкому спектру «рекомендательных алгоритмов» - от новостей и поисковых фильтров до платформы гиг-экономики.

Далее Китай решил использовать технологию «глубокого синтеза». Положение по управлению интернет-услугами, использующими технологии глубокого синтеза 2022/2023 года. У провайдеров возлагается измерительный датчик, фильтрует незаконный и вводимый в заблуждение контент, внедряет механизмы проверки слухов, обеспечивает идентификацию пользователей и защищенные данные, которые используются и создаются на глубоком синтезе.

15 августа 2023 года в Китае были приняты «Временные меры по управлению услугами генеративного ИИ» (кит. 生成式人工智能服务管理暂行办法)¹. Провайдеры генеративных сервисов используют для обучения только «законные исходные данные», уважают авторские и соответствующие права, получают согласие субъектов с финансовыми данными, а также прилагают усилия для обеспечения точности и объективности обучающих наборов; при обнаружении внезапного использования моделей они должны ограничить работоспособность, прекратить предоставление услуг и уведомить компетентные органы.

¹ Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services, 2023. – URL: http://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 29.04.2026).

Особого внимания заслуживает разработанный в 2024 г. проект Закона КНР об искусственном интеллекте (кит. 《人工智能法（学者建议稿）》), подготовленный в марте 2024 года группой китайских учёных-правоведов¹. Ключевые новеллы в сфере интеллектуальной собственности: 1. Контент, созданный ИИ (включая генеративные модели), признаётся объектом охраны интеллектуальной собственности. При этом субъектами авторских и патентных прав могут быть только физические и юридические лица (в зависимости от их вклада), но не сама система ИИ. 2. Использование данных для обучения ИИ допускается в режиме «разумного использования» (ст. 24): без разрешения и без выплаты вознаграждения правообладателю при соблюдении условий (не конкурирует с оригинальным использованием и не наносит существенного ущерба интересам правообладателя). При этом источник данных должен быть явно указан. Важно отметить, что это не официальный правительственный законопроект, а экспертный «учёный вариант» (学者建议稿), который служит важным ориентиром для будущего регулирования. Но уже сейчас ведущие правовые эксперты Китая, говорят о введении данных норм в новый, разрабатываемый законопроект

Соединённое Королевство декларирует «про-инновационный» подход, опирающийся на существующие отраслевые регуляторы и принципы прозрачности, подотчётности и справедливости, а не на единый жёсткий закон об ИИ. Исследователи подчёркивают, что британская модель сознательно отказывается от раннего «пере-регулирования» в пользу гибких руководств и отраслевых стандартов, позволяющих по мере необходимости усиливать требования к конкретным «высокорисковым» случаям, в том числе в сфере обработки данных и защиты авторских прав.

Канада, напротив, движется в сторону более формализованного риск-ориентированного режима через законопроект C-27 (Artificial Intelligence

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 29.04.2026).

and Data Act, AIDA), который вводит особый статус для систем ИИ «высокого воздействия» и требует от их поставщиков проведения оценок воздействия, программ управления рисками и специальных процедур информирования и обжалования.

Сингапур формирует преимущественно добровольный и консенсусный режим: центральное место занимает инициатива AI Verify и эволюционирующая рамка AI governance, основанная на сотрудничестве государства, бизнеса и научного сообщества. Академические работы характеризуют сингапурскую модель как пример «мягкого права», где управление рисками осуществляется через стандарты, тестирование и прозрачность, а не через широкие запретительные нормы, что делает её привлекательной для инновационных юрисдикций, но зависимой от высокого уровня доверия между участниками.

Япония, наконец, демонстрирует инновационно-ориентированный подход, закреплённый в принятом в 2025 г. AI Promotion Act, который устанавливает общие принципы содействия исследованиям и внедрению ИИ и опирается на традицию «soft law» и отраслевых руководств вместо жёстких санкций¹. Аналитики подчёркивают, что японская модель избегает детальной классификации рисков и существенных штрафов, делая ставку на репутационные и координационные механизмы.

В заключении можно отметить, что зарубежные страны наиболее сильно продвинулись в законодательном регулировании ИИ, чем РФ. Данный факт обусловлен различными факторами, которые были перечислены в данном параграфе. Китай однозначно можно назвать «лидирующим игроком» в данной сфере, так как самые передовые и новые ИИ-модели производятся именно в этой стране, и государство Китая это понимает, поэтому отдает большое количество ресурсов на развитие законодательного регулирования ИИ. Согласно оценке госфинансирования ИИ-R&D на 2026 год составляет

¹ Act on Promotion of Research and Development and Utilization of Artificial Intelligence-Related Technologies, 2025. – URL: <https://www.gov-online.go.jp/en/> (дата обращения: 29.04.2026).

порядка нескольких миллиардов долларов за год, без выделения доли на нормотворчество.

2.2 Судебные прецеденты в охране результатов творчества, создаваемых с применением ИИ: проблема определения авторства и патентоспособности

Далее предлагается рассмотреть судебную практику охраны результатов авторской деятельности, сложившуюся в ранее указанных странах.

Американская судебная практика провозглашает «антироботизированный» подход, то есть право признается только за человеком, а не за самой системой ИИ. Не стоит забывать, что в США система права, основывается на судебном прецеденте. Поэтому для США, как для страны с Англосаксонской системой права, наиболее важна судебная практика.

Рассмотрим дело *Thaler v. Vidal* (США): может ли ИИ быть изобретателем? Данное дело является одним из наиболее знаковых судебных прецедентов, при рассмотрении которого поднимался фундаментальный вопрос: может ли система ИИ быть названа автором в патентной заявке¹.

Физик и исследователь ИИ Стивен Талер (Stephen Thaler) в 2019 году подал патентные заявки в более чем дюжину стран на два изобретения, созданные его системой ИИ, известной как DABUS (Device for Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience). Эта конкретная система ИИ — Устройство для автономной загрузки унифицированной науки (DABUS) — была разработана и запатентована Талером отдельно. Талер описывает DABUS как набор исходного кода или программирования и программное обеспечение, способное генерировать изобретения, подлежащие патентованию.

В заявках в Патентное ведомство США (USPTO) вместо указания имени человеческого изобретателя Талер написал, что "изобретение было создано

¹ *Thaler v. Vidal*, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022). – Текст: электронный // United States Court of Appeals for the Federal Circuit. – URL: <https://www.ca9.uscourts.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

искусственным интеллектом". Тайлер представил заявление от имени DABUS, чтобы удовлетворить требование о принесении присяги или даче декларации, предусмотренное статьей 115 раздела 35 Свода законов США. Талер также предоставил дополнительное «Заявление об авторстве изобретения», чтобы объяснить, как DABUS функционирует как «машина творчества», и подал документ, в котором якобы передал себе все права DABUS как изобретателя.

Позиция Тайлера заключалась в следующем:

1. Система DABUS действительно является автономным изобретателем;
2. DABUS самостоятельно разработала два изобретения, а именно гибкий изоляционный контейнер и способ привлечения внимания через специальные сигналы;
3. DABUS – владелец, и он имеет право получить патент на основании своего собственного права;
4. Запрет на патентование ИИ – изобретений противоречит политике патентного права, направленной на стимулирование инноваций и раскрытия информации.

Решение USPTO заключалось в следующем: «машина не может квалифицироваться в качестве изобретателя» - данная причина являлась официальным основанием для отклонения заявки.

Федеральный окружной суд поддержал позицию USPTO.

Федеральный апелляционный суд (Federal Circuit) постановил, что согласно американскому Закону о патентах, "изобретатель" должен быть "индивидуальным" лицом, а понятие "индивидуум" означает исключительно естественное лицо, а не машину.

Стивен Талер утверждает, что термин «whoever» в § 101 Патентного закона США имеет широкий смысл и охватывает не только людей, но и корпорации, а также другие нечеловеческие субъекты. Согласно Dictionary Act, «whoever» включает юридических лиц. Конгресс использовал именно этот термин, а не «natural person». Тот же «whoever» в § 271 применяется к корпорациям при нарушении патентов, поэтому он должен позволять ИИ быть

изобретателем. Ограничение через слово «individual» в § 100, по мнению Талера, не должно сужать общий смысл § 101.

Судья Патриция Миллет (Patricia Millett) отметила, что, хотя автономно созданные ИИ-произведения не получают охраны, авторское право может быть зарегистрировано на работы, созданные человеком с использованием ИИ в качестве инструмента. Ключевое отличие — необходимо человеческое руководство и творческое решение.

Текущий статус: в октябре 2025 года Талер подал прошение в Верховный суд США на переоценку решений, утверждая, что это отрицание авторских прав может "отпугнуть инвестиции в ИИ во время критического периода развития творческой индустрии".

Следующим судебным прецедентом в США является коллективный иск против Stability AI, Midjourney и DeviantArt (дело № 3:23-cv-00201).

В 2023 году был подан групповой иск (Andersen et al v. Stability AI Ltd.) в Федеральный районный суд Северного округа Калифорнии¹. Истцами являлась группа художников, ответчиками являлись разработчики генеративных ИИ-систем.

Суть претензии художников заключалась в следующем: компания без разрешения собирала, загружала и использовала произведения художников (защищенные авторским правом) для обучения ИИ-моделей, Stable Diffusion обучалась на наборе данных LAION-5B, в которую входили более 5 миллиардов изображений, собранных с интернета. ИИ-модели генерируют новый контент, который в среднем на 5-40% процентов состоит из частей заранее загруженных произведений. А так, как компания использовала данные системы в коммерческих целях, авторы имели право на компенсацию, но не получили этого.

Позиция ответчиков (разработчиков) заключалась в следующем:

¹ Andersen et al. v. Stability AI Ltd. et al., No. 3:23-cv-00201-WHO (N.D. Cal. filed Jan. 13, 2023). // United States District Court for the Northern District of California. – URL: <https://cand.uscourts.gov/cases-e-filing/cases/323-cv-00201-who/andersen-et-al-v-stability-ai-ltd-et-al> (дата обращения: 29.04.2026).

1. Ответчики утверждали, что их алгоритмические модели создают новые, оригинальные произведения, отличные от исходных работ;

2. Ссылались на доктрину "добросовестного использования" (fair use) как на исключение;

3. Утверждали, что истцы не определили конкретно каждое предположительно нарушенное произведение;

Решение судьи Вильяма Оррика заключалось в следующем:

1. Суд отклонил ходатайство об отклонении исков о прямом и косвенном нарушении авторских прав и товарных знаков;

2. Исправленная жалоба истцов содержит достаточно информации для продолжения разбирательства;

3. Программное обеспечение "было построено в значительной степени на произведениях, защищенных авторским правом" и "необходимо использует" элементы копий защищенных произведений;

4. Суд отклонил довод о добросовестном использовании, указав, что компании создали системы специально для "облегчения нарушения авторских прав".

В настоящий момент судебный процесс еще идет и последнее решение суда заключалось в следующем: Суд удовлетворил ходатайство истцов о проведении 60 допросов, разрешив им только 30. Стороны продолжают оспаривать процедуру раскрытия информации, при этом ответчики утверждают, что истцы должны быть дополнительно ограничены путем включения допросов бывших сотрудников в лимит в 30 допросов и сокращения числа хранителей электронной информации до пяти от каждой стороны. Истцы, в свою очередь, утверждают, что судья допустил ошибку, ограничив количество поисковых запросов в электронной информации, которые они могли использовать, а также ограничив раскрытие документов, на которые есть гиперссылки в других предоставленных документах.

На данный момент можно предположить, что решение может иметь далеко идущие последствия для компаний, разработавших или использующих производные модели.

В Китае также сложилась судебная практика, связанная с ИИ и авторским правом. Решение суда достаточно противоречивое, так как суд в своём решении указал, что произведение, созданное с помощью ИИ, защищается нормами об авторском праве.

Суд в Шэньчжэне, провинция Гуандун, постановил, что произведение, созданное с помощью искусственного интеллекта, подлежит защите нормами об авторском праве.

Это решение было принято после того, как технологический гигант Tencent подал в суд на онлайн-платформу, предоставляющую информацию о займах, за несанкционированное копирование статьи, написанной роботом Dreamwriter компании Tencent.

Народный суд района Наньшань города Шэньчжэнь заявил, что ответчик, компания Shanghai Yingxun Technology Company, нарушила авторские права Tencent и должна нести гражданскую ответственность¹.

Учитывая, что ответчик удалил произведение, нарушающее авторские права, компании Shanghai Yingxun Technology Company было предписано выплатить Tencent 1500 юаней в качестве компенсации за экономические потери и защиту прав.

Dreamwriter — это автоматизированная программа для написания новостей, основанная на данных и алгоритмах, разработанных компанией Tencent в 2015 году.

20 августа 2018 года Dreamwriter подготовила финансовый отчет, включающий данные по индексу Шанхайской фондовой биржи за тот день, валютному рынку и потокам капитала. В статье, опубликованной на сайте

¹ Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd. v. Shanghai Yingxun Technology Co., Ltd., Case No. Y0305MC No. 14010, Primary People's Court of Nanshan District, China, 2019 // WIPO Lex. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1540> (дата обращения: 29.04.2026).

Tencent Securities, отмечалось, что «статья была автоматически написана роботом Tencent Dreamwriter».

Компания Shanghai Yingxun Technology Company позже скопировала эту статью на свой собственный веб-сайт.

Суд заявил, что форма изложения статьи соответствует требованиям письменного произведения, а содержание отражает отбор, анализ и оценку соответствующей информации и данных фондового рынка.

В отчёте говорилось, что структура статьи разумна, логика понятна и она обладает определённой оригинальностью.

Суд не сообщил, будет ли шанхайская компания подавать апелляцию. С развитием искусственного интеллекта эта технология используется для создания некоторых традиционно творческих произведений, таких как музыка. Однако вопрос о том, должны ли такие произведения быть защищены авторским правом, остается спорным.

Согласно статье, опубликованной Всемирной организацией интеллектуальной собственности в 2017 году, судебная практика в Соединенных Штатах указывает, что авторское право защищает только результаты интеллектуального труда, основанные на творческих способностях разума.

Позиция юриста пекинской юридической фирмы «Чжунвэнь» заключалась в следующем: «Согласно законодательству об авторском праве, а также некоторым международным конвенциям, определение произведения в первую очередь подчеркивает, что творение является оригинальным, воспроизводимым и создано на основе интеллектуальной деятельности человека. Таким образом, человеческий интеллект является ядром и предпосылкой».

Также он указал, что если контент создается машинами после того, как люди вводят ключевые слова, то автором должны быть машины, а не человеческий интеллект, и такой контент не должен защищаться в смысле авторского права.

Китайский суд постановил, что:

1. Компания Tencent обладает авторским правом на создание программного обеспечения в качестве разработчика программного обеспечения.

2. Система Dreamwriter была создана Tencent с применением творческого инженерного мышления и специальных архитектурных решений.

3. Авторское право связано не с ИИ-системой, а с разработчиком/правообладателем системы.

4. Копирование и опубликование своего имени является нарушением авторских прав.

Значение для доктрины заключается в том, что решение было принято исходя из принципа, согласно которому авторские права на ИИ-произведения являются собственностью разработчика ИИ-системы, а не самой системы.

Сингапур, является глобальным финансовым и технологическим центром Юго-Восточной Азии. Данная страна выработала достаточно прагматичный подход к авторскому праву в условиях развития ИИ.

В период пикового развития и распространения ИИ Сингапурский Международный коммерческий суд (Singapore International Commercial Court, SICC) рассмотрел первое знаковое дело в области авторского права и ИИ. Хотя полные детали еще развиваются, суд установил важный прецедент, известный как "Singapore's First AI Copyright Case", который демонстрирует специфический сингапурский подход.

При рассмотрении данного дела Сингапурский Международный коммерческий суд признал, что в условиях внедрения ИИ в творческую/авторскую деятельность необходимо урегулировать, сбалансировать и объединить два ключевых принципа:

1. Защита авторских прав творцов, то есть признание авторского права на произведения, созданные человеком с использованием ИИ-систем.

2. Поддержание инноваций в ИИ – предоставление способов использования защищенных произведений для программного обучения ИИ-машин, но в установленных законом исключениях.

Судебное дело *Global Yellow Pages v Promedia* ([2017] SGCA 28), является отцом-основателем законодательства Сингапура в вопросе обучения ИИ – систем. Истец по делу, компания *Global Yellow Pages Limited* («GYP»), обжалует решение судьи Высшего суда («Судья») об отклонении его иска о нарушении авторских прав ответчиком, компанией *Promedia Directories Pte Ltd* («Promedia»)¹. Решение Судьи опубликовано как *Global Yellow Pages Limited v Promedia Directories Pte Ltd* [2016] 2 SLR 165. Предметом спора является характер защиты от копирования, предоставляемой законом об авторском праве.

Компания GYP заявила, что Promedia нарушила ее авторские права на интернет-справочник «Желтые страницы» (онлайн-справочник, построенный на основе поисковой системы и поддерживаемый по адресу <http://www.yellowpages.com.sg>) («Онлайн-справочник»), а также на семь изданий (с 2003/04 по 2009/10 год) трех печатных справочников, а именно: «Список предприятий» («BL»), «Желтые страницы для бизнеса» и «Желтые страницы для потребителей» (совместно именуемые «YP»). «BL» — это справочник «белых страниц», в котором списки предприятий представлены в алфавитном порядке, а «YP» включает в себя два каталога, содержащих списки предприятий, сгруппированные по различным категориям.

Верховный суд Сингапура (Singapore Court of Appeal) в деле *GYP v Promedia* рассмотрел факторы, применимые к "добросовестному использованию", включая использование в контексте ИИ:

Цель и характер использования: Суд взвешивал, является ли использование коммерческим или некоммерческим, образовательным. В

¹ *Global Yellow Pages Ltd v Promedia Directories Pte Ltd* [2017] SGCA 28 // Singapore Courts. – URL: <https://www.judiciary.gov.sg> (дата обращения: 29.04.2026).

контексте ИИ-обучения суд признал, что внутреннее использование для исследования может квалифицироваться как "добросовестное".

Характер исходного произведения: Тонкая защита произведений (например, справочники с минимальной творческой работой) облегчает применение fair use.

Объем и существенность заимствования: Суд не переоценивает количество скопированного материала, если защита авторского права в исходном произведении "очень узкая".

Влияние на рынок исходного произведения: Критический фактор — будет ли использование существенно вредить потенциальному рынку или стоимости оригинального произведения.

Сингапурский суд предполагает, что, если ИИ-система обучается на открыто распределяемом контенте (например, общедоступных справочниках) без вреда для рынка оригинального произведения, такое использование может считаться добросовестным.

Судья при вынесении решения ссылается на позицию правительства Сингапура, которая заключается в технологически-нейтральном подходе, что означает: обычные средства защиты авторских прав при нарушении также применяются в контексте ИИ (запреты, убытки, компенсация). Если система ИИ производит выход, который существенно похож на защищенное произведение, использованное для обучения, это может рассматриваться как нарушение авторских прав. Однако, если выход создает "что-то новое" с преобразованной целью или характером, это может быть защищено как трансформативное использование.

Особое место в сингапурской практике занимает недавнее дело Tan Hai Peng Micheal and another v Tan Cheong Joo and another and other matters, SGHC 49, где суд впервые столь подробно рассмотрел злоупотребление генеративным ИИ в судебном процессе и персональную ответственность адвокатов. В данном деле адвокат ответчиков Goh Peck San в заключительных письменных возражениях сослался на два несуществующих судебных

прецедента (так называемые «Case A» и «Case B»), которые, как установил суд, с высокой вероятностью были сгенерированы ИИ-инструментом и не были проверены перед подачей в суд.

Мнение судьи по данному делу схоже с мнением судьи ранее рассматриваемого дела: проблема не в самом использовании ИИ, а в том, что юрист представил суду несуществующие судебные прецеденты, так как заблаговременно не удостоверился в их существовании. Данные действия, являются нарушением не делегируемой обязанностью юриста/адвоката: обеспечение достоверности всех приводимых доказательств, документов и материалов. В своем решении суд квалифицировал данные действия как *improper* (рус. неподобающий), *unreasonable* (рус. необоснованный) and *negligent* (рус. проявленный по небрежности/халатности), и применил трёхступенчатый тест *Ridehalgh v Horsefield* и, помимо присуждения обычных судебных расходов, наложил на Goh Peck San и привлекавшегося им юриста/адвоката персональные судебные издержки по 5 000 сингапурских долларов каждому.

В мотивировочной части решения суд прямо указал, что генерируемая ИИ информация может использоваться юристами/адвокатами, как *handmaiden* (рус. служебный инструмент), но вся ответственность за своего «помощника» несет пользователь.

Данное дело показывает подход Сингапура к авторскому праву и ИИ: с одной стороны, законодательство (исключение для *computational data analysis*) и доктрина *fair use* создают благоприятные условия для обучения ИИ на защищённых произведениях, с другой — суды жёстко требуют ответственного и добросовестного обращения с результатами работы ИИ в процессе осуществления правосудия.

Для ЕС показательное первое «генеративное-ИИ-дело» *Like Company v. Google Ireland* (C-250/25), в котором CJEU предстоит ответить, является ли обучение LLM на новостных статьях и последующая генерация пересказов актами воспроизведения и сообщения для всеобщего сведения, а также

применимы ли исключения для text and data mining. Рассмотрение данного дела еще не закончено, но уже сейчас ведущие мировые юристы говорят: от этого решения зависит, будут ли разработчики ИИ обязаны системно лицензировать контент издателей или же смогут опираться на более широкие исключения.

Базовым критерием для признания произведения объектом охраны в европейском праве остаётся тест «собственного интеллектуального творчества автора» (author's own intellectual creation), сформулированный CJEU в делах Infopaq и Painer

Данный тест закрепляет необходимость отражение результата личного творческого выбора, а также личного отпечатка автора. Отсюда вытекает доминирующая позиция: полностью автономно созданные ИИ-произведения, как правило, не отвечают критерию оригинальности и не охраняются, тогда как ИИ-ассистированные произведения могут защищаться, если человек направляет процесс, отбирает и творчески перерабатывает результаты работы ИИ.

В заключении данного параграфа стоит отметить, что мировая судебная практика в области авторского права и ИИ сильно разнится. Для более наглядной разницы можно составить таблицу:

Страна	Полностью автономное ИИ-произведение.	ИИ-ассистированное произведение.	Использование защищенных авторским правом произведений для обучения ИИ-моделей.	Основополагающий принцип.
Россия	Защищается при условии, если	Защищается.	Зависит от большого количества	Автором произведения

	человек задал параметры.		факторов, нельзя дать однозначный ответ.	может быть только физическое лицо.
Китай	Защищается.	Защищается.	Находится в процессе развития.	Авторство разработчика ИИ- системы.
Сингапур	Зависит от применения специального исключения и добросовестного использования .	Защищается.	Допускается, при соблюдении рамочек специального исключения.	Нейтральный подход.
Европа	Не защищается.	Защищается при наличии «Личного отпечатка».	Находится в процессе развития.	"Личное творческое создание" (personal intellectual creation).
США	Не защищается.	Защищается, если присутствует человеческий вклад.	Может быть нарушена (судебный прецедент Andersen v. Stability AI).	Необходимо человеческое авторство.

Таблица № 1: итоговый сравнительный анализ.

3 ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АВТОРСКОГО ПРАВА И ИИ

3.1 Идентификация субъектов авторских прав и проблемы, связанные с квалификациями ИИ-продуктов

В действующем законодательстве РФ очагом дискуссии в области авторского права, является подход, действующий в РФ: автором произведения науки, литературы или искусства признаётся гражданин, творческим трудом которого оно создано. Данный подход исходит из того, что по мнению российского законодателя за любым охраняемым результатом лежит индивидуальная человеческая интеллектуальная деятельность, а сам институт авторского права существует, чтобы охранять личную связь автора с произведением и стимулировать творчество человека¹.

Однако при рассмотрении продуктов, сгенерированных ИИ данная модель начинает «скрипеть». При создании текста, фотографии, видео или иного контента нейросетью трудно указать на непрерывный творческий процесс автора (конкретного лица), а вклад пользователя нередко ограничивается формулированием запроса или подбором подходящего ПРОМТА (инструкции для нейросети)².

В теории зарубежного и российского авторского права уже сложилось два вектора развития ситуаций при генерировании ИИ-контента: произведений, созданных с использованием ИИ как обычного инструмента (computer-assisted works), и произведений, где именно генеративная модель определяет основные черты результата (computer-generated works). В первом

¹ Беликова К. М. Проблема правовой оценки содержания научных и образовательных текстов с позиции роли и места автора в генеративном контенте нейросетей // Право и политика. 2024. № 1. - С.5.

² Лукки Н., Хантер С. Generative AI and Copyright - Training, Creation, Regulation. Study. 09.07.2025. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU\(2025\)774095](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU(2025)774095). – С. 122. (дата обращения: 08.04.2026).

случае человеческий вклад (сюжет, композиция, отбор и структурирование материала) остаётся ведущим, и к такому произведению сравнительно легко применить традиционные критерии авторства; во втором — возникает вопрос, достаточно ли простого ввода prompt'а и выбора понравившегося варианта для признания результата объектом авторского права и установления конкретного автора.

При этом именно пограничные ситуации создают наибольшие затруднения для правоприменения: пользователь формулирует достаточно абстрактное задание, ИИ-система генерирует множество вариантов, из которых человек лишь выбирает наиболее удачный, вносит минимальные языковые или стилистические правки и затем заявляет себя автором произведения. Возникает вопрос, можно ли в подобных случаях говорить об оригинальном «результате творческого труда» конкретного гражданина или же мы имеем дело с продуктом статистического моделирования, к которому механически «пристёгивается» имя пользователя.

Часть исследователей указывает, что чрезмерное расширение понятия авторства в пользу таких «минимальных» вкладов способно размыть сам критерий оригинальности, превратить авторское право в инструмент закрепления монополии за лицами, фактически не осуществлявшими творческую деятельность.

С другой стороны, игнорирование человеческого участия там, где пользователь действительно формирует творческий замысел, последовательно дорабатывает результат генерации, комбинирует несколько аутпутов и придаёт им индивидуальные черты, ведёт к обратной крайности — недооценке и правовой невидимости реального авторского вклада. В этом случае отсутствие охраны либо признание произведения «слишком машинным» нарушает баланс интересов и подрывает стимулирующую функцию авторского права, о которой говорит, как российская доктрина, так и исследование Европейского парламента относительно сохранения богатого и разнообразного культурного наследия в условиях ИИ.

Таким образом, дихотомия «ИИ как инструмент» и «ИИ как соавтор/создатель» в реальности оказывается далеко не столь ясной, как это может показаться на уровне теоретических схем. Разнообразие моделей использования нейросетей в творческом процессе (от вспомогательного редактирования до полностью автоматизированной генерации) обнажает фундаментальную проблему: действующее законодательство не предлагает чётких критериев, позволяющих в каждом конкретном случае определить, кто и в каком объёме должен признаваться субъектом авторских прав на ИИ-продукт, а также как соотнести этот статус с требованиями к оригинальности и личному характеру творчества.

Кроме того, серьёзной проблемой является неопределённость правового режима самого ИИ-контента: если результат генерации не признаётся объектом авторского права, он фактически оказывается в серой зоне между публичным достоянием и частной «властью факта» тех, кто контролирует платформу и инфраструктуру. Исследование Европейского парламента подчёркивает, что отсутствие чёткого разграничения прав на входные и выходные данные создаёт структурные риски для устойчивого вознаграждения авторов и для сохранения культурного разнообразия, поскольку экономическая ценность смещается от создателей к крупным технологическим посредникам. При этом нормативные акты ЕС и государств-членов пока фокусируются преимущественно на регулировании стадий обучения и использования данных (TDM-исключения, режимы прозрачности), оставляя статус сгенерированных произведений и круг правообладателей во многом неурегулированным¹.

С развитием технических средств, которые используют авторы при создании своих изобретений/произведений законодатель стремился выработать универсальные подходы к оценке произведений, созданных с

¹ Briske R. EU copyright law and generative AI: переломный момент // Osborne Clarke Insights. 04.03.2026. URL: <https://www.osborneclarke.com/insights/eu-copyright-law-and-generative-ai-watershed-moment> (дата обращения: 14.04.2026).

использованием подобной техники. К примеру, в Российской Федерации в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются¹.

В 2022 году возникла проблема, связанная с регистрацией в Бюро авторских прав графического романа *«Заря Рассвета»*, созданного писательницей Крис Каштановой. Сюжет и тексты данных произведений были созданы самостоятельно, тогда как визуальный ряд формировался с использованием нейросети Midjourney. Конструкция данного случая рассматривается как пример, способный помечать возможность признания авторских прав на результат, созданный с применением искусственного интеллекта. Однако в феврале 2023 года Бюро пересмотрело свою позицию и внесло изменения в ранее выданную регистрацию².

При профессиональном подходе Бюро согласилось с тем, что текст комикса, а также подбор и компоновка повторных текстовых и графических элементов являются неотъемлемой частью творческого труда и, следовательно, могут охраняться авторским правом. Вместе с тем изображения изображения были исключены из системы охраны, поскольку они были сгенерированы системой Midjourney. Аргументы Крис Каштановой о том, что нейросеть использовалась лишь в качестве инструмента, а создание изображений требовало детальных уточняющих запросов, значительных временных затрат и творческих перемен, не было принято во внимание. В

¹ Шевандо А. И. Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов международной научно-практической конференции, Новополюк, 24 мая 2024 года / Учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», 2024. — С. 259.

² U.S. Copyright Office. *Zarya of the Dawn* (Registration No. VAu001480196): cancellation and replacement of registration, 2023. – URL: <https://www.copyright.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

требованиях Бюро было отмечено, что изображения, созданные ИИ, не соответствуют тому уровню оригинальности, который необходим для признания их объектов авторскими правами.

Указанный подход был подтвержден и сохранен. В деле *Стивен Талер против Ширы Перлмуттер* (2023) истец настаивал на том, что он является создателем программы *Creativity Machine*, которая по его запросу сгенерировала изображение «Недавний вход в рай»¹. При поиске в Бюро по регистрации авторских прав в качестве автора была указана компьютерная программа, а сам истец, обозначенный как правообладатель, мотивировал это тем, что произведение было создано в рамках служебного задания. Однако Бюро отказало в регистрации, указав на отсутствие творческого вклада человека в создание спорного изображения. Рассматривая жалобу истца, судья справедливо отметил, что человеческое творчество соответствует условиям охраны произведений авторским правом, даже если при его создании использовались новые технологические средства. Подчеркивая, что именно человеческое авторство является основополагающим критерием признания закона об охране, суд пришел к выводу о том, что концепция авторства неразрывно связана с творчеством человека.

Таким образом, правоприменительная практика США постепенно исходит из того, что творческий вклад человека представляет собой условие возникновения авторско-правовой художественной литературы. Данная позиция была дополнительно закреплена в Руководстве Бюро по регистрации авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, опубликованные в марте 2023 года². В указанном документе утверждается, что авторское право защищает только те результаты, которые являются плодом легкой творческой деятельности. При этом использовании

¹ Thaler v. Perlmutter, 687 F. Supp. 3d 140 (D.D.C. 2023) // United States District Court for the District of Columbia. – URL: <https://www.dcd.uscourts.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

² Руководство по регистрации авторских прав: произведения, содержащие материалы, созданные с использованием искусственного интеллекта / Бюро регистрации авторских прав США. URL: https://copyright.gov/ai/ai_policy_guidance.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

ИИ само по себе не запрещает возможность регистрации произведений, однако в каждом конкретном случае Бюро проводит индивидуальную оценку, устанавливая способ создания ИИ-системы и характер ее участия в получении результата.

Нормативно закреплённых процентов сейчас нет ни в русском, ни в зарубежном праве, однако в профессиональных рекомендациях для авторов и учёных постоянно подчёркиваются две ключевые идеи: во-первых, произведение должно быть основано на человеческом творчестве, во-вторых, использование ИИ должно быть ясным и не закрытым от читателя или редакции¹.

Исходя из этого, для литературных текстов общего характера (эссе, нон-фикшн, научные и научно-популярные работы и т. п.) можно предложить ориентир: не более 10–15% содержания должно приходиться на фрагменты, созданные с помощью ИИ. При этом речь идет именно о вспомогательной роли ИИ — генерации черновых формулировок, подсказок по сценарию, предварительных стилистических правок. Основной замысел, аргументация, подбор примеров, окончательная редакция текста должна быть за автором. Подобный подход соответствует позиции многих издательств и вузов, которые разрешают ограниченное использование ИИ, но прямо запрещают превращать его в текст «соавтора».

Для научных исследований допустимый процент участия ИИ может быть заметно выше, поскольку здесь ИИ часто применяется в качестве инструмента работы с полученными массивами данных, для статистического анализа, визуализации и технического оформления текста. В этой сфере можно обоснованно говорить в пределах порядка 30–40%: ИИ может обеспечить результат при обработке данных, составлении таблиц и рисунков, а также при подготовке черновых вариантов разделов «Методы» или

¹ Резник Д. Б., Хоссейни М. Раскрытие информации об использовании искусственного интеллекта в научных исследованиях и публикациях: когда раскрытие информации должно быть обязательным, необязательным или ненужным? // Ответственность в исследованиях. 2026. Т. 33, № 2. - С. 8.

«Результаты». Обязательным условием при этом должно быть указано в самой работе, что и на каких этапах делалось с помощью ИИ, с упоминанием указанных инструментов. Подобный подход соответствует действующим стандартам крупных производителей, которые требуют раскрытия масштабов использования генеративных моделей, но сохраняют ответственность за содержание статей, касающихся их человеческих авторов. В качестве наглядного примера положительного примера использования ИИ в научных исследованиях можно привести работу американского школьника Мэтью Паса, который обучил ИИ-машину анализировать данные телескопа. Исследование было связано с обработкой огромного массива астрономической информации, накопленной телескопом за более чем десять лет наблюдений. С помощью, созданной им модели удалось выявить около 1,5 миллиона ранее не установленных космических объектов, в том числе переменные звезды, квазары и двойные системы. Также В 2024 году Нобелевская премия по химии была присуждена Дэвиду Бейкеру, Джону Джемперу и Демису Хассабису за достижения в области вычислительного проектирования и прогнозирования структуры белков, что наглядно показало практическую ценность искусственного интеллекта в науке. Система AlphaFold, разработанная Джемпером и Хассабисом, смогла с высокой точностью предсказывать пространственную структуру белков по их аминокислотной последовательности, а методы Бейкера позволили создавать новые белковые структуры с заранее заданными свойствами. Данный пример подтверждает, что искусственный интеллект способен не только обрабатывать большие массивы данных, но и существенно ускорять решение сложных научных задач, которые долгое время оставались нерешёнными традиционными методами.

Иная логика прослеживается в отношении проявленного, за что потребитель платит именно за уникальное человеческое творчество: художественную литературу, сценарии фильмов и сериалов, музыкальные произведения. В таких случаях можно предложить еще более строгий

ориентир — не более 5% участия ИИ в традиционном продукте. ИИ здесь допускается только как вспомогательный инструмент (поиск справочной информации, выбор рифмы, проверка орфографии), но не как источник значимых сюжетных ходов, описаний или настроек тем. Это контролирует тему, что читатели и слушатели ожидают от такого появившегося «живого» авторского голоса, профессиональные авторские объединения напрямую связывают ценность книг или музыкальных произведений с темой, которую они создали «человеческим умом», а не сгенерировано машиной¹.

Наконец, в сфере изобретений и технических решений ИИ чаще всего используется для поиска образцов, исследований и расчетов. Здесь его доля может быть довольно велика — условно до 40–50% всех вспомогательных операций, — но при этом решающее техническое решение, формулировка изобретательской идеи и индикаторов должны исходить от человека. В противном случае возникает риск признания последствий несоответствующими проявлениями человеческого творчества, которые, как показывают последние разъяснения и практика зарубежных органов по авторскому праву, остаются базовым условием охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Закрепление разумной доли использования ИИ в различных сферах авторского права, позволит законодателю следовать за инновациями, признавая вспомогательную роль ИИ-моделей в создании результатов интеллектуальной деятельности, но одновременно сохраняя приоритет человеческого творчества и контроль над объёмом ИИ-контента в исследованиях и творческих работах.

¹ Раскрытие информации об использовании искусственного интеллекта в академическом письме: когда и как следует указывать помощь ИИ. URL: <https://paperpal.com/blog/news-updates/product-updates/ai-disclosures-in-academic-writing> (дата обращения 08.04.2026)

3.2 Перспективы развития национального законодательства в области авторского права и правового регулирования искусственного интеллекта

В предшествующих разделах данной работы был проведен анализ действующего законодательства РФ и сложившейся практики, что позволяет сделать вывод о наличии нормативных пробелов в сфере регулирования авторского права на произведения и исследования, которые были созданы с использованием ИИ. Указанные пробелы не являются случайными упущениями законодателя, но отражают концептуальную несогласованность между классической доктриной авторского права, сформировавшейся в эпоху исключительно человеческого творчества, и технологическими реалиями генеративных нейросетевых систем.

Наиболее важным пробелом является отсутствие легального определения и правового статуса контента, сгенерированного с использованием ИИ технологий. Действующая редакция части четвёртой Гражданского кодекса РФ оперирует категорией «произведение», под которым понимается результат творческого труда гражданина (ст. 1257 ГК РФ)¹. Данная норма, сформулированная в 2006 году применительно к традиционным формам творческой деятельности, *de lege lata* снимает вопрос о признании, автономно сгенерированного ИИ-контента объектом, который охраняется нормами авторского права — и одновременно не предлагает альтернативного правового режима для такого контента. В результате значительный массив коммерчески востребованных цифровых объектов оказывается в правовом вакууме: они не охраняются авторским правом, не являются общественным достоянием в традиционном смысле и не имеют определённого правообладателя.

¹ Суханов Е. А. Гражданское право: учебник в 4 т. Т. IV — М.: Статут, 2023. — С. 415.

Следующим пробелом, является неопределённость в разграничении «ИИ-ассистированных» и «ИИ-генерированных» произведений применительно к критерию творческой оригинальности. Ранее в параграфе 3.1, при анализе американской и европейской практики был сделан вывод, что данные страны выработали подходы к подобному разграничению на уровне прецедентов и разъяснений суда. В российской правовой системе соответствующий критерий закреплён лишь в общем виде в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, в соответствии с данным пунктом результаты, созданные техническими средствами в отсутствие творческого характера деятельности человека, не являются объектами авторского права¹. Понятие «творческого характера деятельности» в свою очередь, применительно к процессу промтинга (составление инструкции для ИИ с целью получения более полного и качественного ответа) остается неопределённым: ни законодательство, ни судебная практика не устанавливают ни качественных, ни количественных критериев достаточности человеческого вклада. Стоит отметить, что закрепление понятия промт и промтинг на законодательном уровне позволит признать ИИ-модели вспомогательными системами для автора, в свою же очередь промт будет являться промежуточным результатом интеллектуальной деятельности и в конечном итоге авторы смогут беспрепятственно использовать ИИ, но с ограничениями, которые необходимо разработать и закрепить (примерные процентные ограничения рассчитывались в параграфе 3.1).

Третий структурный пробел связан с ответственностью по цепочке «разработчик — оператор — пользователь» за нарушения авторских прав при создании и использовании ИИ-систем. Действующее законодательство возлагает ответственность за нарушения авторских прав на пользователя как лицо, совершающее конкретное правомерное или противоправное

¹ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 // Российская газета. – 2019. № 96.

использование (ст. 1250–1253 ГК РФ), тогда как роль разработчика ИИ-системы, обученной на охраняемых произведениях, и оператора платформы остаётся законодательно-нерегламентированной¹. Данный пробел порождает существенную асимметрию: правообладатели лишены эффективных инструментов воздействия на организационно и финансово состоятельных субъектов — разработчиков и платформенных операторов. Необходимо создать нормативно-правовую базу, которая позволит привлекать к ответственности разработчиков ИИ-моделей, за предоставление запрещенного контента Искусственным Интеллектом, а также за обучение ИИ на основе контента, защищенного авторским правом.

Также необходимо обязать всех ИИ-разработчиков, вписывать в код программы правило, при котором ИИ будет указывать рабочую ссылку на первоисточник информации, для последующей проверки пользователем.

Четвёртый пробел касается отсутствия в российском праве механизмов обязательного раскрытия информации об использовании ИИ при создании произведений и о составе обучающих данных генеративных систем. Тогда как европейское право в статье 53(1) Регламента ЕС 2024/1689 (AI Act) уже закрепило требование публикации «достаточно детальных резюме» о содержании, используемом для обучения². Российское же законодательство не содержит аналогичных норм ни в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ, ни в иных актах. Тем самым правообладатели и пользователи лишены возможности установить, использовались ли их произведения при обучении той или иной нейросетевой модели или нет.

Проведённый в главе 2 настоящей работы анализ зарубежных подходов к регулированию авторского права в контексте ИИ позволяет выделить три принципиально различные модели, каждая из которых предлагает

¹ Lucchi N., Hunter S. Generative AI and Copyright — Training, Creation, Regulation. Study/European Parliament. — URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU\(2025\)774095](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU(2025)774095). — С. 122. (дата обращения: 02.05.2026).

² Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act // European Intellectual Property Review. – 2024. – Vol. 46, No. 3. – P. 145.

собственную концепцию баланса между охраной творчества и стимулированием технологических инноваций.

Европейская рискориентированная модель, воплощённая в AI Act и DSM Directive, строится на принципе горизонтального регулирования: устанавливаются универсальные требования к прозрачности, документированию обучающих данных и соблюдению авторских прав поставщиками GPAI-моделей вне зависимости от отраслевого контекста их применения¹. Достоинством данной модели является системность и предсказуемость правовых последствий для участников рынка; а недостатком — высокие комплаенс-издержки и риск сдерживания инновационной активности малых разработчиков. Для российского правового порядка данная модель представляет наибольший доктринальный интерес, поскольку опирается на кодифицированную систему гражданского права, принципиально совместимую с российской правовой традицией.

Американская либеральная модель, основанная на доктрине fair use и судебном прецеденте, обеспечивает максимальную гибкость правоприменения, однако порождает высокую степень правовой неопределённости для участников отношений. Незавершённость знаковых дел (Andersen v. Stability AI, Getty Images v. Stability AI) и отсутствие законодательного регулирования на федеральном уровне свидетельствуют о системных ограничениях данного подхода с точки зрения защиты прав правообладателей². Lee, анализируя доктрину fair use применительно к обучению ИИ-моделей, полагает, что использование охраняемых произведений для обучения ИИ может квалифицироваться, как коренное изменение системы, а не простое ее улучшение, что имеет принципиальное значение с точки зрения американского законодательства³. Для России,

¹ Quintais J. P. Generative AI, copyright and the AI Act // European Intellectual Property Review. — 2024. — Vol. 46, No. 3. — P. 145.

² Абрамова М. М. Правовое положение результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом или при его помощи в законодательстве США // Информационные технологии в юридической деятельности: теле-право: монография. - М., 2024. - С. 269.

³ Lee E. Fair Use and the Origin of AI Training // Houston Law Review. - 2025. - Vol. 63, No. 1. - P. 113.

принадлежащей к романо-германской правовой семье, прецедентная модель неприменима напрямую, однако выработанные американскими судами критерии разграничения охраняемого и неохраняемого ИИ-контента представляют значительную доктринальную ценность.

Китайская административно-секторальная модель демонстрирует возможность быстрого нормативного реагирования на технологические изменения посредством подзаконного регулирования (Положение об алгоритмических рекомендациях 2022 г.¹, Временные меры по управлению услугами генеративного ИИ 2023 г.) при сохранении традиционного авторско-правового принципа «авторство — только у человека»². Данный опыт релевантен для России прежде всего в части механизмов обязательной маркировки ИИ-контента и требований к раскрытию информации об обучающих данных, которые могут быть имплементированы без принципиального пересмотра гражданско-правовой доктрины авторства.

С учётом изложенного представляется, что оптимальной для Российской Федерации является гибридная модель, сочетающая: (а) инкорпорацию специальных норм об ИИ-контенте в часть четвёртую ГК РФ (по аналогии с европейским кодификационным подходом); (б) принятие специального федерального закона об ИИ с блоком норм об авторско-правовой ответственности участников цепочки создания и использования ИИ-систем; (в) введение механизма обязательного раскрытия информации и маркировки ИИ-контента на подзаконном уровне (по аналогии с китайским административным опытом). Такая трёхуровневая архитектура регулирования обеспечит системность и предсказуемость правовой среды при сохранении достаточной гибкости для адаптации к технологическим изменениям.

¹ Provisions on the Administration of Algorithm Recommendation for Internet Information Services, 2022. — URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1-2022/> (дата обращения: 29.04.2026).

² Лопатина Т. М. Зарубежный опыт правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности с применением ИИ // Безопасность бизнеса. — 2025. - № 4 — С. 33.

На основании проведённого исследования представляется возможным сформулировать следующий комплекс предложений по совершенствованию российского законодательства в сфере авторского права и регулирования ИИ.

Предлагается дополнить статью 1259 ГК РФ частью 1.1 следующего содержания:

«Произведение, созданное с использованием систем искусственного интеллекта, охраняется настоящим Кодексом при условии, что творческий вклад физического лица выразился в формировании оригинального замысла, определении существенных содержательных или структурных характеристик произведения, а также в отборе, компоновке или переработке результатов, генерированных системой искусственного интеллекта, придающих произведению индивидуальный характер. Автором такого произведения признаётся физическое лицо, осуществившее указанный творческий вклад. Произведение, генерированное системой искусственного интеллекта автономно, без творческого вклада физического лица в соответствии с настоящей частью, объектом авторского права не является».

Данная формулировка, опираясь на выработанный европейской доктриной критерий «собственного интеллектуального творчества» (Inforaq, Rainer), адаптирует его к российской правовой традиции и устраняет неопределённость в разграничении охраняемого и неохраняемого ИИ-контента. Критерий «существенных содержательных или структурных характеристик» обеспечивает возможность гибкого судебного толкования применительно к различным видам творчества (литературного, музыкального, изобразительного, программного)¹.

В целях устранения правового вакуума в отношении автономно сгенерированных ИИ-результатов, имеющих коммерческую ценность, предлагается дополнить главу 71 ГК РФ («Права, смежные с авторскими») новой статьёй 1338.1 следующего содержания:

¹ Гордиенко А.А. Трансформация закона охраны интеллектуальной собственности в условиях цифровизации // Гуманитарный научный журнал. — 2025. — № 12–1. — С. 113.

«Лицу, организовавшему создание и эксплуатацию системы искусственного интеллекта, в результате автономной работы которой был получен охраноспособный результат (текст, изображение, аудиовизуальное произведение, программный код и иные объекты, выраженные в объективной форме), принадлежит исключительное смежное право на данный результат сроком на пятнадцать лет с момента его первого обнародования либо создания. Указанное право включает правомочия использования результата любым не противоречащим закону способом, запрещения его использования третьими лицами без разрешения правообладателя, а также получения вознаграждения за предоставление разрешения. Правообладателем смежного права по настоящей статье является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществившие необходимые организационные и финансовые инвестиции в создание соответствующей системы искусственного интеллекта».

Конструкция смежного права *sui generis*, избранная в качестве правового механизма, позволяет решить несколько задач одновременно. Во-первых, она сохраняет нетронутым традиционный принцип авторского права «автор — только человек», исключая концептуальные противоречия с действующей доктриной. Во-вторых, предоставляет правовую охрану коммерчески значимым результатам ИИ-генерации, стимулируя инвестиции в разработку ИИ-систем. В-третьих, по структуре воспроизводит хорошо известную российскому праву конструкцию смежных прав (ст. 1303–1338 ГК РФ), что обеспечивает системную совместимость с действующим регулированием. Срок охраны в пятнадцать лет соответствует логике ограниченных по времени инвестиционных прав (ср. права изготовителя базы данных — пятнадцать лет по ст. 1335 ГК РФ) и отражает специфику технологических циклов в сфере ИИ.

Предлагается дополнить статью 1253 ГК РФ частью 2 следующего содержания:

«Лицо, осуществившее обучение системы искусственного интеллекта с использованием произведений, охраняемых авторским правом или смежными правами, без разрешения правообладателя и при отсутствии законных оснований свободного использования, несёт ответственность за нарушение исключительного права на произведение. При этом факт использования охраняемого произведения в качестве обучающих данных приравнивается к воспроизведению произведения в целях части четвёртой настоящего Кодекса. Лицо, предоставляющее платформенные услуги по использованию систем искусственного интеллекта, обученных на охраняемых произведениях, несёт субсидиарную ответственность за нарушение авторских прав пользователями платформы, если оно знало или должно было знать о таких нарушениях и не приняло своевременных мер по их пресечению».

Введение данной нормы ликвидирует наиболее острый практический пробел в системе защиты авторских прав: правообладатели получают правовой инструментарий для предъявления требований непосредственно к организационно и финансово состоятельным субъектам — разработчикам и платформенным операторам — минуя формально ответственного, но фактически неплатёжеспособного конечного пользователя. Конструкция субсидиарной ответственности платформы, основанная на критерии «знал или должен был знать», соответствует логике Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ применительно к ответственности информационных посредников и поддерживает баланс между защитой правообладателей и стимулированием платформенных инноваций¹.

В среднесрочной перспективе принципиально важным представляется принятие комплексного федерального закона «Об искусственном интеллекте», который должен включать, в числе прочего, следующие нормативные блоки, смежные с авторским правом: (1) легальное определение системы ИИ, генеративной ИИ-системы и ИИ-ассистированного творческого

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2006. - № 165.

процесса; (2) требования к составу и качеству обучающих данных, включая обязанность разработчиков обеспечить законность использования охраняемых произведений; (3) механизм обязательного раскрытия информации об обучающих данных (по аналогии со ст. 53 AI Act ЕС), позволяющий правообладателям установить факт использования их произведений; (4) право правообладателей на машиночитаемое выражение запрета на использование своих произведений для обучения ИИ-систем, обязательное для соблюдения разработчиками; (5) обязательную маркировку контента, сгенерированного системами ИИ, с указанием на автономный характер генерации.

Указанный законодательный акт должен строиться на принципе технологической нейтральности, избегая избыточной детализации применительно к конкретным архитектурам ИИ-систем, и опираться на рискориентированный подход, дифференцируя требования в зависимости от степени автономности системы и сферы её применения. Концепция закона, по мнению автора, должна предусматривать поэтапное введение в действие наиболее обременительных требований — в первую очередь норм о раскрытии данных и маркировке — с установлением переходных периодов для субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере ИИ-технологий.

Изложенные предложения *de lege ferenda* опираются на определённую теоретическую концепцию, требующую самостоятельного доктринального обоснования. В основе предлагаемой модели лежит тезис о том, что авторское право, как институт не является технологически нейтральным в той мере, в которой оно апеллирует к понятиям «творчества», «оригинальности» и «личного характера» произведения. Эти понятия сложились в эпоху, когда единственным субъектом творческой деятельности являлся человек, и наполнялись содержанием применительно именно к человеческой когнитивной деятельности.

Распространение генеративных ИИ-систем не отменяет данную концептуальную основу, но создаёт условия для её переосмысления.

Представляется теоретически обоснованным разграничение двух функций авторского права, которые в традиционном контексте нераздельно связаны, а в условиях ИИ требуют аналитического разграничения: (1) персональная функция — охрана личной связи автора с произведением как выражением его индивидуальности (личные неимущественные права); (2) стимулирующая функция — создание экономических стимулов для инвестиций в творческую деятельность (исключительное право как имущественное право). Применительно к автономно сгенерированному ИИ-контенту персональная функция авторского права утрачивает смысл за отсутствием субъекта-носителя личности, тогда как стимулирующая функция сохраняет актуальность применительно к инвестициям в разработку ИИ-систем, воплощающих техническое и организационное творчество разработчиков.

Именно это разграничение лежит в основе, предложенной выше конструкции смежного права *sui generis*: она обеспечивает реализацию стимулирующей функции без распространения на автономный ИИ-контент норм о личных неимущественных правах, что было бы концептуально несостоятельным. Данный подход согласуется с позицией ведущих представителей европейской доктрины, в частности с анализом Квинтайса (Quintais), подчёркивающего необходимость разграничения инструментов, направленных на охрану личности автора, и инструментов, обеспечивающих вознаграждение за инвестиционный вклад в создание творческих благ.

С позиций российской гражданско-правовой доктрины предлагаемая концепция вписывается в рамки теории исключительных прав Суханова Е. А., согласно которой исключительное право носит абсолютный характер и может принадлежать как физическим, так и юридическим лицам вне зависимости от наличия у последних творческих способностей. Конструкция смежных прав, в отличие от собственно авторских, не предполагает признания творческого вклада правообладателя; она охраняет организационный, технический и инвестиционный вклад лица в создание результата, представляющего культурную или экономическую ценность (ст. 1303 ГК РФ). Именно поэтому

данная конструкция является наиболее органичным инструментом для решения рассматриваемой проблемы в условиях действующей системы российского гражданского права.

Таким образом, перспективы развития российского законодательства в области авторского права и регулирования ИИ определяются необходимостью комплексного реформирования на трёх уровнях. На уровне гражданского законодательства — введением в часть четвёртую ГК РФ специальных норм об ИИ-ассистированных произведениях и смежного права *suī generis* на результаты автономной ИИ-генерации. На уровне специального законодательства — принятием федерального закона об ИИ с блоком норм об интеллектуальной собственности, включая механизмы раскрытия обучающих данных, маркировки ИИ-контента и ответственности участников цепочки разработки и использования ИИ-систем. На доктринальном уровне — разграничением персональной и стимулирующей функций авторского права, позволяющим теоретически обосновать предоставление охраны автономному ИИ-контенту без противоречия с фундаментальным принципом «автором может быть только человек».

Реализация предложенного комплекса мер позволит Российской Федерации выработать современную, системно согласованную и технологически нейтральную нормативную базу, обеспечивающую баланс интересов правообладателей, разработчиков ИИ-систем и общества в условиях продолжающейся цифровой трансформации творческих отраслей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой главе раскрыты теоретические основы авторского права и фрагментарный характер государственного регулирования ИИ в Российской Федерации. Подтверждено, что ключевыми признаками авторско-правовой охраны остаются творческий характер деятельности, объективная форма выражения результата, автоматическое возникновение прав и разграничение охраняемой формы и не охраняемой идеи.

Анализ зарубежного и международного опыта (глава 2) выявил отсутствие единого подхода. В США и ЕС преобладает требование существенного человеческого творческого вклада; полностью автономные ИИ-результаты, как правило, не охраняются. Китай и ряд азиатских юрисдикций демонстрируют более гибкие модели. Сравнительно-правовое исследование позволило заключить, что для России наиболее перспективным является не наделение ИИ правосубъектностью, а законодательное закрепление критериев человеческого творческого участия, что соответствует базовым принципам отечественного гражданского права.

В третьей главе выявлены основные проблемы правоприменения, прежде всего — сложность идентификации субъекта авторских прав и квалификации вклада различных участников (разработчика, пользователя, оператора). Подтверждена гипотеза работы: действующая российская модель авторского права применима к произведениям, созданным человеком с использованием ИИ как инструмента, однако нуждается в уточнении при регулировании полностью автономной генерации.

По результатам исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, искусственный интеллект не должен признаваться автором результата интеллектуальной деятельности, поскольку авторское право основано на категории творческого труда человека, личной связи автора с

произведением и возможности осуществления субъективных гражданских прав.

Во-вторых, результаты, созданные полностью автономно без существенного творческого участия человека, не должны автоматически получать авторско-правовую охрану. Предоставление такой охраны без установления автора противоречило бы основным принципам российского гражданского права и могло бы привести к необоснованному расширению монополии на результаты машинной генерации.

В-третьих, произведения, созданные человеком с использованием искусственного интеллекта как технического инструмента, могут подлежать правовой охране, если человек определяет творческий замысел, осуществляет индивидуальный отбор, переработку, редактирование и придает результату оригинальную форму выражения.

В-четвертых, для правоприменения необходимо отказаться от формального или количественного подхода к оценке участия ИИ. Установление условных процентов машинного и человеческого вклада не является юридически надежным критерием. Более обоснованным является качественный подход, основанный на оценке характера и значения человеческого творческого участия.

В-пятых, при использовании произведений, охраняемых авторским правом, для обучения ИИ-моделей требуется специальное правовое регулирование. Необходимо определить условия допустимого использования таких произведений, пределы свободного использования, обязанности разработчиков и операторов ИИ-систем, а также механизмы защиты интересов правообладателей.

В-шестых, ответственность за неправомерное использование ИИ-систем должна распределяться с учетом роли каждого участника правоотношения. Пользователь может нести ответственность за использование результата, нарушающего права третьих лиц; разработчик — за дефекты системы или отсутствие необходимых ограничительных механизмов; оператор платформы

— за организацию доступа к ИИ-сервису и нарушение установленных обязанностей. Универсальное возложение ответственности только на пользователя либо только на разработчика не отвечает сложности рассматриваемых отношений.

Для совершенствования законодательства предлагается:

- дополнить часть четвёртую ГК РФ нормами, закрепляющими критерии существенного творческого вклада человека при использовании ИИ;
- определить правовой режим автономно сгенерированных результатов (в том числе через введение специального смежного права);
- установить обязанности по раскрытию факта использования ИИ и состава обучающих данных;
- развивать судебную практику, формирующую единообразные подходы к оценке ИИ-контента.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании необходимости разграничения персональной и стимулирующей функций авторского права в условиях цифровизации. Практическая ценность состоит в выработке конкретных предложений, применимых при подготовке изменений законодательства, создании локальных актов и разрешении споров, связанных с ИИ-генерированным контентом.

Таким образом, искусственный интеллект не отменяет фундаментальные принципы авторского права, но требует их адаптации. Сохранение приоритета человеческого творчества при одновременном создании эффективных механизмов правовой охраны результатов ИИ позволит обеспечить баланс интересов авторов, разработчиков, правообладателей и общества в целом в условиях цифровой трансформации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 4. - Ст. 445.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 52. – Ст. 5496.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2006. - № 165.
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 2006. - № 165.
5. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2010. - № 297.
6. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187 ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Российская газета. – 2017. - № 167.
7. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 17. - Ст. 2701.

8. Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Российская газета. – 2020. - № 171.

9. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

10. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 // Российская газета. – 2019. - № 96.

11. ГОСТ Р 71476–2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Информационные технологии. Искусственный интеллект. Понятия и терминология. – М.: Российский институт стандартизации, 2024.

12. Извещение Государственного совета КНР об опубликовании Плана развития искусственного интеллекта нового поколения. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 01.03.2026).

13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 09АП-642/2024 по делу № А40-200471/2023. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 29.04.2026).

14. Act on Promotion of Research and Development and Utilization of Artificial Intelligence-Related Technologies, 2025. – URL: <https://www.gov-online.go.jp/en/> (дата обращения: 29.04.2026).

15. Andersen et al. v. Stability AI Ltd. et al., No. 3:23-cv-00201-WHO (N.D. Cal. filed Jan. 13, 2023) // United States District Court for the Northern District of California. – URL: <https://cand.uscourts.gov/cases-e-filing/cases/323-cv-00201-who/andersen-et-al-v-stability-ai-ltd-et-al> (дата обращения: 29.04.2026).

16. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law, 2024 // Council of Europe. – URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 29.04.2026).

17. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 29.04.2026).
18. Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence // Federal Register. – URL: <https://www.federalregister.gov> (дата обращения: 29.04.2026).
19. Global Yellow Pages Ltd v Promedia Directories Pte Ltd [2017] SGCA 28 // Singapore Courts. – URL: <https://www.judiciary.gov.sg> (дата обращения: 29.04.2026).
20. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services, 2023. – URL: http://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 29.04.2026).
21. OECD Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449 // OECD Legal Instruments. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org> (дата обращения: 29.04.2026).
22. Provisions on the Administration of Algorithm Recommendation for Internet Information Services, 2022. – URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1-2022/> (дата обращения: 29.04.2026).
23. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 29.04.2026).
24. Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd. v. Shanghai Yingxun Technology Co., Ltd., Case No. Y0305MC No. 14010, Primary People’s Court of Nanshan District, China, 2019 // WIPO Lex. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1540> (дата обращения: 29.04.2026).

25. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022) // United States Court of Appeals for the Federal Circuit. – URL: <https://www.cafc.uscourts.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

26. Thaler v. Perlmutter, 687 F. Supp. 3d 140 (D.D.C. 2023) // United States District Court for the District of Columbia. – URL: <https://www.dcd.uscourts.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

27. U.S. Copyright Office. Zarya of the Dawn (Registration No. VAu001480196): cancellation and replacement of registration, 2023. – URL: <https://www.copyright.gov> (дата обращения: 29.04.2026).

28. Об авторском праве и смежных правах: Закон Российской Федерации от 09.07.1993 № 5351-I (утратил силу) // Российская газета. – 1993. - № 147.

Учебная и научная литература

29. Абрамова М. М. Правовое положение результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом или при его помощи в законодательстве США // Информационные технологии в юридической деятельности: теле-право: монография / Е. А. Абросимова, Д. В. Огородов, А. А. Волкова [и др.]. – М., 2024. – С. 269.

30. Бегишев И. Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова. – М.: Проспект, 2022. – 192 с.

31. Позднякова Е. А. Авторское право: учебник и практикум для вузов / Е. А. Позднякова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 311 с.

32. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – С. 415.

Публикации в научных журналах, сборниках и СМИ

33. Беликова К. М. Проблема правовой оценки содержания научных и образовательных текстов с позиции роли и места автора в генеративном контенте нейросетей / К. М. Беликова // Право и политика. – 2024. – № 1. – С. 5.
34. Гордиенко А. А. Трансформация закона охраны интеллектуальной собственности в условиях цифровизации / А. А. Гордиенко // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 12–1. – С. 113.
35. Лопатина Т. М. Зарубежный опыт правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта / Т. М. Лопатина // Безопасность бизнеса. – 2025. – № 4. – С. 33.
36. Маслова Е. А. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов / Е. А. Маслова, Н. А. Самойловская, Е. Д. Сорокова, А. Д. Чеков // Сравнительная политика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 65.
37. Михайлов С. В. Многоуровневая система защиты и использования исключительных авторских и смежных прав / С. В. Михайлов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 3 (37). – С. 56.
38. Резник Д. Б. Раскрытие информации об использовании искусственного интеллекта в научных исследованиях и публикациях: когда раскрытие информации должно быть обязательным, необязательным или ненужным? / Д. Б. Резник, М. Хоссейни // Ответственность в исследованиях. – 2026. – Т. 33, № 2. – С. 8.
39. Шевандо А. И. Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов международной научно-практической конференции, Новополоцк, 24 мая 2024 года / А. И. Шевандо. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, 2024. – С. 259.

40. Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы / М. Г. Щербаков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 3. – С. 75.
41. Briske R. EU copyright law and generative AI: переломный момент / R. Briske // Osborne Clarke Insights. – 2026. – 4 March. – URL: <https://www.osborneclarke.com/insights/eu-copyright-law-and-generative-ai-watershed-moment> (дата обращения: 14.04.2026).
42. Lee E. Fair Use and the Origin of AI Training / E. Lee // Houston Law Review. – 2025. – Vol. 63, No. 1. – P. 113.
43. Lucchi N. Generative AI and Copyright: Training, Creation, Regulation / N. Lucchi, S. Hunter. – Brussels: European Parliament, 2025. – P. 122. - URL: [https:// europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU_\(2025\)774095](https://europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU_(2025)774095) (дата обращения: 08.04.2026).
44. Margoni T. A Deeper Look into the EU Text and Data Mining Exceptions: Harmonisation, Data Ownership, and the Future of Technology / T. Margoni, M. Kretschmer // GRUR International. – 2022. – Vol. 71, No. 8. – P. 685. – DOI: 10.1093/grurint/ikac054.
45. Quintais J. P. Generative AI, Copyright and the AI Act / J. P. Quintais // European Intellectual Property Review. – 2024. – Vol. 46, No. 3. – P. 145.

Источники на электронных носителях

46. Раскрытие информации об использовании искусственного интеллекта в академическом письме: когда и как следует указывать помощь ИИ. – URL: <https://paperpal.com/blog/news-updates/product-updates/ai-disclosures-in-academic-writing> (дата обращения: 08.04.2026).
47. Руководство по регистрации авторских прав: произведения, содержащие материалы, созданные с использованием искусственного

интеллекта / Бюро регистрации авторских прав США. – URL: https://copyright.gov/ai/ai_policy_guidance.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

48. U.S. Copyright Office. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence. – Текст: электронный // Federal Register. – 2023. – Vol. 88, No. 51. – P. 16190. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright-registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence> (дата обращения: 29.03.2026).